

Глава 6

“Войны не миновать”

Когда человек, которому предстояло стать главным шпионом ЦРУ в Северном Ираке, летом 2002 года прибыл в страну, он едва ли слышал о подозреваемом террористе по имени Абу Мусаб аз-Заркави. Но уже через несколько недель Чарльз “Сэм” Фэддис на координатной сетке изучил место обитания иорданца вплоть до квадратного метра.

Шансы выследить Заркави никогда не были так высоки.

Фэддис, ростом в шесть футов два дюйма, сын флотского капитана, родом из предгорья Аппалачей на юго-западе Пенсильвании, попал в Ирак с командой оперативников ЦРУ, чтобы собирать сведения об иракских военных частях, а также об “Ансар аль-Исламе”*, боевиках-нонконформистах, которые обитали на иранской границе и худо-бедно поддерживали связь с “Аль-Каидой”*. Сорокасемилетний Фэддис работал юристом, однако всеми силами добивался этого назначения. После терактов 11 сентября он рвался в бой, а опыт в сфере борьбы с терроризмом, прошлая служба на Ближнем Востоке и свободное владение турецким языком делали его самым подходящим кандидатом для руководства подобной операцией. Он и члены его команды, живя на конспиративных квар-

тирах, вели наблюдение за базой “Ансар аль-Ислама”*, домом Заркави и несколькими десятками беглых афганских моджахедов. Надев курдскую одежду, офицеры иногда подбирались к базе так близко, что могли отчетливо видеть расставленных по периметру часовых, их длинные бороды и болтающиеся на ремнях АК-47.

Цель находилась невообразимо далеко. Саргат, деревушка, где после бегства из Афганистана обосновался Заркави, была последней остановкой на изрезанной колеями дороге, ведущей к границе Ирака с Исламской Республикой Иран. В нескольких милях к северо-западу располагалась Халабджа, город, название которого навсегда теперь связано с самыми страшными зверствами конца двадцатого века. 16 марта 1988 года Саддам Хусейн применил против курдских жителей смертельный нервно-паралитический газ, убив пять тысяч мужчин, женщин и детей; это была самая жестокая в истории химическая атака на гражданское население. Регион так и не восстановился полностью; после первой иракской войны, в 1991 году, американские воздушные патрули не давали самолетам и танкам Саддама приближаться к курдским поселениям, но из-за отсутствия центральной власти в регионе появились бандформирования и полевые командиры, которые то и дело завязывали перестрелки с иракскими солдатами или друг с другом.

Ко времени прибытия Заркави боевики “Ансар аль-Ислама”* уже создали упорным трудом небольшой анклав, включавший в себя город Хурмаль и несколько небольших поселений, в которых также распоряжались фанатики не лучше талибов. Официально пребывая в состоянии войны как с иракским режимом, так и с группами курдских националистов, они построили со стороны гор укрепления, которые позволяли держать под наблюдением горные тропы, а также проложили пути отступления, ведущие через границу в Иран. Главную базу в Саргате составляли семь небольших строений без отопления

и электричества (если не считать единственного генератора), окруженных земляными стенами и бункерами, украшенными черными флагами. Отдельный “квартал” шлакобетонных зданий служил жильем и учебными помещениями для людей Заркави, которые старались не смешиваться со своими курдоговорящими соратниками. Местные запомнят их как представителей разных арабских народов с одинаково жесткими взглядами касательно поведения и одежды. Некоторые деревенские жители ворчали потом на непрактичность иных исламистских правил в обществе, где и мужчины, и женщины проводят долгие часы на скотном дворе или в поле. “Они принуждали женщин носить покрывала и длинные платья во время работы в полях и в саду”, — жаловался тележурналистам один из жителей через несколько месяцев после того, как боевики ушли.

Но ЦРУ не слишком интересовалось религиозными установками исламистов. После изгнания из Афганистана “Аль-Каиды”* “Ансар аль-Ислам”* представлял собой самую крупную базу боевиков, имевшую связи — хотя бы и самые незначительные — с организацией бен Ладена. Фэддис получил задание оценить силу объединенных войск арабов и живших в иракском анклавe местных исламистов. Также ему следовало по возможности определить, как боевики “Ансара”* координировали (если координировали) свои операции с действиями правительственных войск Ирака. Независимо от того, действовали ли “Аль-Каида”* и Ирак сообща в прошлом, Белый дом тревожился, что Саддам Хусейн мог использовать террористов как марионеток, чтобы нанести удар по западным странам. Дружественные курды сообщали о химическом оружии в лагере “Ансара”*, усугубляя подозрения Белого дома, что Саддам вооружает исламских боевиков для будущей террористической атаки.

Руководитель группы ЦРУ был настроен скептически. Фэддис провел много лет в этом регионе и понимал горькую

ненависть, которую почти все курды испытывали к иракскому тирану после долгих лет геноцида восьмидесятых, выкосившего две тысячи курдских деревень и около двухсот тысяч этнических курдов. Для курдских боевиков объединение с Саддамом хоть по какой причине едва ли было возможным.

И все же Фэддис твердил своей команде: не зашоривайтесь.

“Прекрасно, если мы сумеем собрать информацию, которая на сто процентов докажет, что у Саддама роман с “Аль-Каидой”*, — неустанно твердил он своим людям во время совещаний летом 2002 года. — Но мы и близко ничего подобного не скажем, пока не соберем твердые доказательства. Мы не будем выдавать слухи и всякую чушь за правду”.

Группа Фэддиса состояла из восьми человек, все они имели обширный военный опыт, а двое состояли в секретном военизированном подразделении ЦРУ, известном как Отдел специальных операций. Их базой был предоставленный дружественными курдами домик в нескольких милях от лагеря “Ансара”*. Он служил оперативным центром, а также жильем для людей, которые целыми днями вели наблюдение или допрашивали боевиков, захваченных курдами-союзниками. А улов те приносили на редкость богатый — американцы смогли допросить десятки пленников из “Ансара”* и “Аль-Каиды”*, и каждое новое свидетельство они соотносили с растущей базой разведанных, полученных из предыдущих допросов, а также благодаря собственным наблюдениям за лагерями “Ансара”*. Добытые сведения переправлялись в штаб-квартиру ЦРУ в виде сотен секретных электронных донесений, которые шли в Лэнгли через спутниковый телефон Фэддиса.

Фэддис быстро уловил разницу между афганскими изгнанниками — по большей части арабоговорящими, с хоть каким-то образованием и знаниями о мире — и простыми курдскими крестьянами и пастухами, составлявшими ряды “Ансара”*. Но обе группы разделяли общую идеологию и склонность

к террористическим методам воздействия. Вместе они приступили к созданию в иракских горах Афганистана в миниатюре: исламской теократии, жесткие установки которой насаждались огнем и мечом.

Слухи о смертоносном секрете боевиков, как выяснил Фэддис, оказались правдой: запасы ядов, которые они тестировали на предмет возможного использования для терактов за границей, действительно существовали. Благодаря расследованиям ЦРУ и дополнительной помощи засланных в нужные места шпионов природа интереса “Ансара”* к ядам стала ясна. Им удалось получить десятки галлонов смертельных химикатов, включая цианид, а также организовать доставку небольших партий клещевины для выработки высокоэффективного рицина. Каждый ингредиент можно было приобрести легко и легально (цианистый калий применяется при проявке пленки), к тому же никому бы в голову не пришло, что боевики “Ансара”* владеют оборудованием или технологиями для производства настоящего химического оружия. И все же эксперименты выглядели довольно серьезными. В своей полевой лаборатории химики-любители смешивали цианид с кремом для кожи и другой косметикой. Слухи об их экспериментах на бродячих собаках позже подтвердились видеопленками, обнаруженными в развалинах базы. “Навыки у них были примитивные, но воодушевление огромное, — вспоминал Фэддис свои тогдашние мысли. — Они жаждали крови, и они не шутили”.

С другим занимавшим Белый дом вопросом — помогают ли иракские войска исламистам — разобраться оказалось проще. Команда Фэддиса напала недалеко от лагеря “Ансара”* на след подозрительных иракцев и подтвердила, что эти люди — сотрудники грозной разведывательной службы Саддама Хусейна. Но вскоре Фэддис обнаружил, что иракцы делали то же, что и он: собирали сведения о боевиках. Иракцы смо-

трели издалека и пытались вербовать осведомителей — рискованное предприятие, учитывая традицию “Ансара”* отравлять подозреваемых в шпионаже и выставлять их отрезанные головы на кольях возле базы. Иракцы были далеки от того, чтобы вступить в сговор с исламистами и, кажется, опасались их.

И все же администрация Буша обещала ловить союзников “Аль-Каиды”* везде, где их обнаружит, и эта группа отлично подходила под определение.

У Соединенных Штатов появилась “блестящая возможность”, как доложил Фэддис в одном из своих рапортов в штаб-квартиру ЦРУ в Лэнгли. “Ансар аль-Ислам”* был террористической организацией с международными амбициями. Сюда прибились десятки арабских боевиков, замеченных в связях с “Аль-Каидой”*. И, что еще тревожнее, в их распоряжении имелись яды, которые террористы с чудовищной эффективностью могли бы применить в городах Европы или Соединенных Штатов. Но, писал Фэддис, одним точно рассчитанным ударом угрозу можно уничтожить полностью.

“Мы точно знали, где спит каждый из этих террористов, — говорил Фэддис впоследствии, описывая свои подробные донесения в штаб-квартиру ЦРУ. — Мы в точности знали, где и как расположено оружие, вплоть до каждого пулеметного гнезда и минометного ствола”. Но главное, добавлял он, “что никто из них не знал о нашем присутствии”.

Как и надеялся Фэддис, его сообщения произвели переполох в Вашингтоне. В Лэнгли, а потом и в департаменте обороны, бросились обсуждать план действий, создали несколько совещаний. В Пентагоне сорокавосемилетнего бригадного генерала Стэнли Маккристала — вскоре он он станет известен как командующий войсками специального назначения в Ираке — попросили разработать планы нападения на базу. В одном из вариантов предполагалось нанести по исламистам массированный ракетный удар, после чего последует высадка вертолет-

ного десанта из американских и курдских командос, которые соберут все возможные данные о производстве биологического или химического оружия.

План сочли рабочим, но высшие чиновники бушевского Белого дома никак не могли решить, отдавать ли приказ о рейде. Министр обороны Дональд Рамсфельд считал, что удар необходим, но другие советники, включая советника по национальной безопасности Кондолизу Райс, были против. Администрация уже активно планирует ввод войск, говорили оппоненты, и любой удар по территории Ирака чреват обострением отношений, которое, в свою очередь, может повлечь за собой преждевременное начало войны. Других критиков тревожил масштаб предложенного Маккрystalом плана. “С таким размахом это уже вторжение, — жаловался один из его начальников. — Вы участвовали в спецоперациях. Неужели разучились делать что-нибудь небольшое?”

Буш решил пока отказаться от плана.

“Это было как удар под дых, — говорил потом Фэддис. — Мы все подвергали себя риску. Моя группа оказалась вне игры, и сразу стало ясно, что это значит. Мы решили не нажимать на спуск. А когда придет время и все-таки нажмем, важных мишеней на прежнем месте уже не будет”.

Фэддис сделал еще один заход, предложив менее амбициозную кампанию, в которой большую часть боевых операций выполняли бы курды. При небольшой поддержке с воздуха, нескольких 150-миллиметровых минометах и кое-какой снабженческой помощи со стороны группы ЦРУ местные ребята смогут уничтожить базу сами, доказывал он.

“Ради бога, просто дайте нам два В-52, или хотя бы только минометы, и мы все сделаем, — умолял Фэддис. — Дайте нам их завтра, и мы покончим с базой послезавтра. “Аль-Каида”* и “Ансар аль-Ислам”* понятия не имеют, что мы здесь. Мы невидимки”.

Ответ из Лэнгли был прежним. По словам Фэддиса, он слышал: “Я слышу тебя, Сэм. Все, что я могу тебе сказать: дела обстоят именно так. Когда я проверял в последний раз, президент был выше тебя по рангу”.

Фэддис и его команда остались на севере Ирака с приказом продолжать сбор разведданных. Заркави же тем временем свободно выстраивал свою сеть, не боясь нападений или помех. Руководители ЦРУ уже тогда понимали, что иорданец на глазах становится все опаснее. Как отмечал позже Тенет, директор разведслужбы, Заркави в те предшествовавшие войне дни явно двигался вперед, обучая рекрутов в лагере “Ансар аль-Ислама”^{*} и отправляя своих курьеров в столицы Ближнего Востока и Европы, ища деньги, добровольцев и союзников. “Ему удалось наладить связи между алжирскими, марокканскими, пакистанскими, ливийскими и прочими арабскими экстремистами по всей Европе, — напишет Тенет о Заркави в своих воспоминаниях. — За несколько месяцев безостановочной работы мы обнаружили связанные с Заркави террористические ячейки в тридцати с лишним странах”.

Узнав об этом, администрация Буша в последний раз обсудила возможность нанести удар по Заркави и лагерю “Ансар аль-Ислама”^{*}. Это произошло в начале января 2003 года, всего за два месяца до начала войны в Ираке и за несколько недель до того, как госсекретарь Колин Пауэлл произнес свою знаменитую речь перед Советом безопасности ООН, перечисляя доводы в пользу вторжения. К тому времени официальные лица Белого дома избегали любых действий, способных скомпрометировать великую битву за общественное мнение; об этом писал журналист Питер Бейкер в своей книге “Торячие дни”, знаменитой истории бушевского Белого дома. Удар по базе боевиков подорвал бы одно из основных положений речи — существование террористической сети на земле Ирака.

“Это угробит мой брифинг, — сказал, по свидетельству Бейкера, Пауэлл. И добавил: — Все равно мы через несколько недель покончим [с “Ансар аль-Исламом”]”.

Члены администрации все еще спорили по поводу возможно-го удара по лагерю Заркави, когда 23 января 2003 года делегация американских генералов прибыла в Амман с чрезвычай-но секретным визитом. Журналистов держали на расстоянии. Когда самолет с пентагоновским генералом Томми Фрэнк-сом из Центрального командования приземлился в аэропор-ту, дворец особым приказом запретил освещать подробности его встречи с иорданскими официальными лицами и особен-но уточнять, участвовал ли во встрече Абдалла II. Позже ано-нимные военные источники, тщательно подбирая слова, рас-крыли западной прессе цель визита. До войны с Ираком оста-валось несколько недель, и Соединенные Штаты собирались предложить Иордании современный зенитно-ракетный ком-плекс “Патриот” в надежде заручиться поддержкой королев-ства Хашимитов, когда начнутся бои.

“Мы обсуждаем этот вопрос”, — сказал во время визита иорданским журналистам один из членов американской де-легации. На самом деле ракетные батареи доставят в течение нескольких дней вместе с шестью новыми бомбардировщика-ми-истребителями F-16, чтобы укрепить оборону Иордании и подготовить ее к возможной войне в соседнем государстве.

Но помощь США дорого обошлась королевству. Многие месяцы бушевский Белый дом давил на Иорданию, затягивая ее в свои планы по свержению президента Ирака Саддама Ху-сейна. Давление началось в конце лета, когда король встретил-ся с Бушем и его высшими заместителями в Белом доме 2 авгу-ста 2002 года. Обычно обаятельный техасец был холоден и на-пряжен, вспоминал позже Абдалла. Помощники предупредили

монарха, что президент недоволен комментариями, которые Абдалла дал одной британской газете, обвинив команду Буша в том, что они “зациклились на Ираке”, и в намерении развязать войну, которая “откроет ящик Пандоры на Ближнем Востоке”.

Сидя со своим гостем в Овальном кабинете и разгрызая кубики льда, Буш сказал, что пока не собирается вторгаться в Ирак: “Когда соберусь, вы об этом узнаете”. Он назвал президента Ирака Саддама Хусейна “головорезом”, с которым надо разобраться. “Не хочу, чтобы через двадцать лет люди думали, будто я струсил и ушел от конфликта с ним”, — добавил он.

В тот же день, позже, Буш снова упомянул Ирак, на этот раз обрисовав конфронтацию с Саддамом как моральную, даже религиозную обязанность. “У каждого из нас был великий отец, мы оба верим в Бога, — сказал, по воспоминаниям Абдаллы, Буш. — У нас есть возможность поступить правильно”.

Абдалла был ошеломлен. Он презирал Саддама и понимал, что огромная американская армия способна быстро уничтожить войска иракского диктатора. Он предлагал, не афишируя этого, поддержку возглавляемому США афганскому восстанию против “Талибана”^{*} и даже помощь в отслеживании Усамы бен Ладена. И все же Абдалла был уверен, что война с иракским тираном — огромная ошибка. Нападение на арабского лидера — даже такого непопулярного, как Саддам, — воспламенит регион, поставив Иорданию под угрозу. Но было ясно: Буш уже принял решение. Вернувшись в Амман, монарх велел своим советникам готовиться. “Войны не миновать”, — предупредил он.

Весь конец лета и всю осень военные барабаны гремели все громче, и все настойчивее Иорданию просили поддержать военные планы правительства США. Американские политики и генералы посещали Амман непрерывным потоком. Они добивались, чтобы король позволил войскам США встать вдоль

границ Иордании или дал разрешение на боевые вылеты через иорданское воздушное пространство. Вице-президент Дик Чейни лично звонил Абдалле с просьбой разрешить использовать Иорданию как трамплин для штурма Багдада. На фоне яростных споров по поводу военных приготовлений шок от убийства Фоули быстро поблек.

В конце концов Абдалла пошел на компромисс. Его отец Хусейн, как известно, противился войне в Персидском заливе, тем самым охладив отношения и с Вашингтоном, и с ключевыми арабскими союзниками. Абдалла тоже не одобрял конфликт, который подавляющее большинство иорданцев считали несправедливым, и отказался пускать к себе в страну большие военные подразделения. Однако он согласился оказывать Штатам закулисную поддержку, в основном в особо важной сфере секретных операций с участием небольших отрядов американского спецназа.

Решение принять систему “Патриот” пришло в последний момент. Публично монархия могла заявить, что противовоздушная система защитит иорданцев от отклонившихся от курса иракских ракет, представляющих угрозу для иорданской территории. На самом деле американцы хотели дополнительной страховки, на случай если Ирак решит напасть на Израиль, чтобы отомстить США за вторжение. Это было еще одним признаком приближающейся войны.

“Я пытался пройти по канату, натянутому между сопротивлением войне и невмешательством, — признавался потом Абдалла. — Но я был уверен в одном: чем дольше продлится война, тем страшнее будут последствия”.